

Дмитрий Егорченков

необъявленная ВОЙНА

РОССИЯ

В ОГНЕННОМ
КОЛЬЦЕ

Новая политика (Питер)

Дмитрий Егорченков

**Необъявленная война.
Россия в огненном кольце**

«Питер»

2018

УДК 32:94(47)
ББК 66:63.3(2)7

Егорченков Д.

Необъявленная война. Россия в огненном кольце /
Д. Егорченков — «Питер», 2018 — (Новая политика (Питер))

ISBN 978-5-4461-0630-1

Устранив в конце XX века с мировой арены своего главного геополитического конкурента – СССР, американская элита периода холодной войны двигалась по инерции, то есть продолжая борьбу с «красной угрозой» даже после ее «устранения». Заточенная на противостояние политическая механика западного мира не могла действовать иначе. Те же люди и те же геополитические условия. Все это наложилось на совершенно нормальную в рамках мировой хозяйственной системы конкуренцию за рынки и ресурсы. Остановки или перерыва в этом движении не будет. Технологии государственных переворотов, осуществляемых США в разных странах мира, совершенствуются день ото дня. Главной же мишенью для Америки, так же, как и в 90-е годы, является наша страна. Тогда зарубежным «друзьям» с помощью нашей продажной элиты удалось развалить самое большое государство в мире – СССР. Сегодня Россия, в буквальном смысле слова, находится во всеоружии. Но и Запад не дремлет. Работа с оппозицией, попытки организовать протестное движение в крупных городах России провалились, и западные политтехнологи перенесли свою активность в регионы РФ. Их цель – отколоть от России куски, развалить её на части, как когда-то был развален Советский Союз. Дмитрий Егорченков – политолог, директор Института стратегических исследований и прогнозов (ИСИП) РУДН. С 2002 по 2008 гг. на дипломатической работе в Ираке, Алжире, центральном аппарате МИДа России.

УДК 32:94(47)
ББК 66:63.3(2)7

ISBN 978-5-4461-0630-1

© Егорченков Д., 2018

© Питер, 2018

Содержание

Вступление	7
26 марта: призрак в консервной банке	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Егорченков
Необъявленная война.
Россия в огненном кольце

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Новая политика», 2018

* * *

С искренней признательностью Петру Фролову, доброму другу и историку, без которого эта книга была бы иной.

Вступление

Ничто не является настолько опасным или пугающим, как неведение.

Дж. Кеннан

Не спрашивайте о вещах, которые огорчат вас, если станут вам известны.

Коран. Сура 5. Трапеза

Этот XXI век, то фактическое будущее, в котором мы живем, стал временем глобальных слияний и конвергенции далеко не только в науке и технологии. И уже совершенно очевидно, что **внешний и внутренний политические периметры** не просто связаны, а непреложно обуславливают друг друга.

Такая более жесткая, чем когда-то раньше, привязка этих двух составляющих политического процесса – одна из примет времени. А затрагивает она отнюдь не только наших заокеанских партнеров и влияние американской политической сцены на глобальные процессы, а также обратное влияние, например, пресловутой «русской угрозы» на внутреннюю политику США. Только что мир прошел через очередной американский президентский избирательный цикл, а теперь следит за свежими и не очень инициативами хозяина Овального кабинета. Почему внимание приковано к фигуре Дональда Трампа?

Во-первых, таких выборов в США на нашей памяти не было. Ужасный недуг, поразивший североамериканские политические элиты 20 лет назад, имя которому – безнаказанность, покалечил не только внешнеполитический контур «града на холме», но даже с большим эффектом – заложенные еще отцами-основателями смысловые и этические доминанты самой политической системы США. *«Вникните в причины всякой распущенности, и вы увидите, что она происходит от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний»*¹. Так говорил великий француз Монтескье.

Действительно, ко второй половине 2000-х годов неоконсервативная элита США, полностью подавив любое инакомыслие в рамках системы коллективного Запада, перешла к открытой неокOLONиальной модели. Всплеск «арабской весны», «украинский разлом», подавление «нового социализма» в Латинской Америке – прямые тому доказательства. На внешнем контуре американские элиты начали действовать строго в соответствии с классическим определением фашизма, данным в 1935 году лидером Коминтерна **Георгием Димитровым: «Открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»**². Не будем разбирать по слогам, скажем только, что глобальные (американские) финансовые элиты построили модель **экзофашизма**, то есть фашизма на экспорт, для внешнего использования, но на него по факту опирается все остальное – вся американская политэкономическая система.

Однако если вспомнить слова Антонио Грамши, то любое *«государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добываясь при этом активного согласия руководимых»*³. То есть власть держится не только на насилии, но и на «согласии». К середине 2010-х этот мировой консенсус начал нарушаться. Причиной тому стали конкретные

¹ Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. – М.: Гослитиздат, 1955.

² Димитров Г. «Наступление фашизма и задачи коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» в кн.: VII конгресс Коминтерна и борьба против фашизма и войны. Сб. документов. М., 1975. С. 204.

³ Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. – М.: Издательство политической литературы, 1991.

результаты деятельности американцев по всему миру. Такие фигуры, как Джордж Сорос, продолжали зарабатывать, а миллионы людей умирали и скатывались в темные провалы «нового Средневековья». Ближний Восток стал ярким примером и даже испытательной площадкой для такой активности идейных **экзофашистов**.

Во-вторых, прошедшая избирательная кампания в стране, претендующей на роль глобального лидера, обладающей порядка 700 военных баз по всему миру, превратилась в откровенно глупый и до предела циничный спектакль, когда «сцена» содрогается от истошных криков, а зрители не видят вариантов эстетического катарсиса. При любом сценарии развязка оставляет открытый финал. А на рампе – вместо чеховского ружья – стоит ржавое ведро с помоями, которое по законам жанра опрокинется в зал после того, как занавес упадет. В итоге, когда рассеялся дым, президентом стал Дональд Трамп.

Тут же зазвучали голоса о «правом развороте» в американской и мировой политике, о **прагматизации** системы международных отношений. Причина тому – надежда на лучшее. Однако тем временем **постколониализм**, ярким выражением которого является распад глобализированного мира на политэкономические «орбитальные системы», окончательно перешел в стадию **постимпериализма**. В контексте данного процесса «гравитационные центры силы» – Китай, США, отдельные страны ЕС, а с недавних пор в догоняющем режиме и Россия – приступили к формированию своих обособленных Commonwealth. С тем прицелом, что взаимодействие между такими пространствами станет сутью международной экономики во второй половине XXI века.

Значит, по большому счету от результатов прошедших выборов общая **направленность американской внешней политики вряд ли значительно изменится**. От конкуренции не уйти. И что бы нам ни говорили американские политики, нет у них иного наработанного невоенного инструментария решения своих болезненных вопросов, кроме испытанных **гибридных технологий**.

Фактические доказательства тому в момент написания этой книги еще не появились. Если только не учитывать следующую **занимательную беседу** в эфире американского телеканала MSNBC.

МИКА БЖЕЗИНСКИ, ведущая MSNBC: Дональд Трамп продолжает набирать свою команду по национальной безопасности. Никто не знает об этой проблематике больше, чем...

ДЖО СКАРБОРО, ведущий MSNBC: ...чем я?

МИКА БЖЕЗИНСКИ: Нет, не ты, а бывший советник по национальной безопасности президента Картера доктор **Збигнев Бжезинский**. Не ты!

ДЖО СКАРБОРО: Ну да, он очень умен. Он хорошо в этом разбирается.

МИКА БЖЕЗИНСКИ: Вчера мы поговорили с моим отцом. Для начала мы спросили его об угрозах и возможностях, связанных с поворотом Дональда Трампа к России.

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ, бывший советник президента США по национальной безопасности: **Угрозы очевидны, они могут породить множество недоразумений с обеих сторон**, а также разочарование и обиду. Так что действовать надо очень обдуманно и осторожно. В целом же это [улучшение отношений с Россией] весьма желательно. Я думаю так. Во-первых, **Россия больше не коммунистическое государство**. Очень важно это понять. Но она еще, по сути, **не выбрала путь демократии**. Там по-прежнему неопределенность. И много обиды, в том числе на нас. Итак, это страна в стадии перехода. И, думаю, **если мы поведем себя умно, мы, может быть, поможем им совершить этот переход** и стать конструктивным, важным членом мирового сообщества. Войти в тройку лидеров: США, Китай и Россия.

МИКА БЖЕЗИНСКИ: Избранный президент, еще когда вел предвыборную кампанию, часто говорил о Китае и о Владимире Путине. Его часто критиковали за слишком теплые слова

о нем [о Путине], за то, что между ними нечто вроде броманса⁴... Что бы вы посоветовали избранному президенту касательно отношений с этими лидерами?

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ: Продолжать эти отношения, предпринимать все усилия, но спокойно и терпеливо, понимая, что стоит на кону. Думаю, **наша роль в мире если и не господствующая в упрощенном понимании этого слова, тем не менее самая выдающаяся**. Америка необходима для более широкой коалиции, которая могла бы решать глобальные проблемы. И в этой более широкой коалиции, конечно же, Америка, Китай – и меняющаяся Россия! – могут играть ведущую роль⁵. (Дата выхода в эфир – 23 ноября 2016 года.)

В 80-х годах XVII века Исаак Ньютон, великий британский физик и мистик, писал в своих *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica* («Математические начала натуральной философии»): *«Всякое тело продолжает удерживаться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние»*⁶. Он был весьма конкретен, описывая инерцию физических тел. Тела же политические ведут себя весьма похожим образом. Об этом много позже развернуто говорил выдающийся отечественный социолог А. А. Зиновьев, называя законом социальной регенерации. Если социальная система разрушена, но **«сохранился тот же человеческий материал и геополитические условия его существования, то новая система создается во многих отношениях близкой к разрушенной»**⁷. Касается такой принцип, на наш взгляд, и систем международных отношений, которые, по сути, состоят из взаимозависимых и соприкасающихся социальных и политических систем отдельных государств или в новых условиях даже «экономических субрегионов».

Устранив в конце XX века с мировой арены своего главного геополитического конкурента – СССР, американская элита периода холодной войны двигалась далее во вполне ньютоновских координатах. Двигалась по инерции, то есть продолжая борьбу с «красной угрозой» даже после ее «устранения». Заточенная на противостояние политическая механика западного мира не могла действовать иначе. Те же люди и те же геополитические условия. Именно об этом сказал «Большой Збиг» в интервью NBC. Все это наложилось на совершенно нормальную в рамках мировой хозяйственной системы конкуренцию за рынки и ресурсы. Остановки или перерыва в этом движении не будет. А значит, не пропадут и наработки гарвардской политологической школы, а такие люди, как профессор **Джозеф Най**, продолжат генерировать смыслы, лежащие в основе **механизмов** американских действий в политике (и здесь мы намеренно уходим от определения – внешней или внутренней). То есть концепции «мягкой силы», «умной силы», «управляемого хаоса», «гибридных войн» и «цветных революций» никуда из нашей реальности не уйдут. Возможно, они **поменяют названия** в угоду сиюминутной политической конъюнктуре (*«не господствующая, тем не менее самая выдающаяся»*), но суть и цели от этого не изменятся.

Еще в 2003 году упомянутый выше профессор Най предложил некий интегральный термин *smart power* – **«умная сила»**, подразумевающий в его версии почти дословно следующее: концепция, призванная противостоять неверным представлениям о том, что «мягкая сила» может быть единственным инструментом эффективной внешней политики. Сила при этом понимается как возможность влиять на поведение других игроков, чтобы это способствовало получению необходимого вам результата. А это, по мнению профессора Ная, достигается тремя основными средствами: **принуждением, подкупом и обаянием**. Таким образом,

⁴ Прекрасное определение Wiki: «Bromance (рус. броманс) – тесные несексуальные отношения между двумя или более людьми, как правило, мужчинами, форма гомосоциальной близости».

⁵ <https://russian.rt.com/inotv/2016-11-24/Bzhezinskij-Rossiye-nado-demokratizirovat-i>.

⁶ *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989.

⁷ <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-novom-tcheloveke.pdf>.

«жесткая сила» использует принуждение и подкуп, а «мягкая сила» – обаяние. В статье журнала *Foreign Affairs* в 2009 году он делает вывод, что только **сочетание «мягкой» и «жесткой» силы – то есть «умная сила»** – способно генерировать необходимые внешнеполитические результаты. Как отметил в этой связи один американский аналитик: *«Най никогда не забывал, что “умная сила” – это такой способ достижения того, чего хочет Америка, при котором БПЛА⁸ и спецподразделения всегда видны где-то во втором ряду»*.

Оппоненты Ная вполне обоснованно говорят, что его «умная сила» появилась на свет в качестве ответа на критику неэффективности механизмов «мягкой силы» в новом (после 11 сентября 2001 года) историческом контексте. В каком-то смысле это похоже на правду, потому что, как показала практика, концепция *smart power* означает лишь применение в качестве силового инструмента всего, чем можно «ударить по голове»⁹.

Надо сказать, что именно в таком контексте концепция *full power* («в полную силу») активно поднималась на щит администрацией Барака Обамы и лично Хиллари Клинтон. О чем она, в частности, многократно публично говорила сама. Наиболее яркие примеры нам дает, как мы уже говорили, Ближний Восток. Но, думается, развитие кризиса на Украине – лучшее доказательство того, что, несмотря на разницу в бюджетах с Пентагоном более чем в 12 раз, Госдеп фактически из механизма дипломатии давно стал еще одним орудием гибридной войны.

Впрочем, острые на язык республиканские политологи уже вдоволь поиздевались над словосочетанием «умная сила», красочно описывая просчеты той же Клинтон. Так, например, известна фраза бывшего представителя США при ООН Джона Болтона о том, что представления Хиллари о нацбезопасности всегда были не глубже, чем яркие «наклейки на бампер» – вроде «умной силы». И в целом американская пресса полна статьями, обыгрывающими в негативном свете это словосочетание с привязкой к политике Обамы. И «глупая сила» – это еще не самый саркастический вариант трактовки.

В общем, соглашаясь с главным тезисом профессора Ная о **разумности использования всего ассортимента сил и средств в ходе решения внешнеполитических задач**, наверное, все же нужно поздравить его с успешной попыткой теоретически переформулировать, видимо, недостаточно известный в экспертной среде принцип **кну́та и пря́ника**. Оговоримся только, что если он внимательно изучал историю внешней политики, то знает, что этот принцип применялся и работал еще на Древнем Востоке, о чем мы достоверно знаем из документов амарнского и богазкёйского архивов (древнеегипетские и хеттские документы XIV века до нашей эры). Уже не говоря о тысячелетнем опыте Византии, тесно связанном с нашей родной историей.

То есть американские СМИ частично правы: здесь у профессора Ная получилась такая «умная сила» для тупых, представляющая из себя «старые песни на новый лад» – деньги, шантаж и силовое принуждение. Эта хорошо известная классическая триада всегда работала. Поэтому, наверное, стоит в ближайшем будущем ожидать от американских политологов очередного **ребрендинга** в стиле «правого разворота», однако повторимся: суть происходящих процессов от этого не изменится.

Очевидно, что «прагматичная» задача «мягкой силы» – это формирование внутри конкретной страны (объекта воздействия) благоприятной позиции ее лидеров, элит, граждан по отношению к политико-экономическим действиям другого государства (субъекта воздействия). В этом аспекте «мягкая сила» совпадает с целями так называемой **стратегии непря-**

⁸ Беспилотный летательный аппарат.

⁹ Как говорят в Америке – To kick smb.'s ass.

мых действий, теоретическим разработчиком которой являлся британский военный историк **Б. Лиддел Гарт**¹⁰.

Постулируя, что средства стратегии не прямых действий использовались в вооруженных конфликтах практически с момента формирования устойчивых государственных образований, британский исследователь подчеркивал, что XX век стал переломным для ее методологии и инструментария в силу существенного роста возможностей опосредованного воздействия на лидеров, элиты и граждан стран – участников вооруженного противостояния.

Ключевое значение в таком аспекте приобрели имеющиеся каналы массовых коммуникаций – телевидение, радиовещание, книгоиздательство, журналистская работа, Интернет. Степень вовлеченности человека в электронную коммуникацию фиксируется уже не по наличию стационарного телефона или персонального компьютера, а по использованию **смартфона**, на котором «по умолчанию» установлено необходимое программное обеспечение для коммуникации в Глобальной сети.

В результате социальность получает надстройку в виде **виртуальности**, однако эта виртуальность становится лишь «интерфейсом», набором определенных простейших инструментов, благодаря которым может конструироваться определенный взгляд на социальную действительность. Вроде предустановленного Google как поисковой машины или приложения Facebook для мобильных устройств. Достаточно сравнить результаты поисковых запросов, к примеру в «Яндексе» или любой другой системе, чтобы почувствовать разницу. Набор источников, ссылок и тому подобного окажется разным – соответственно, и восприятие информации будет разным. Особенно если не будет потребности найти альтернативу.

При этом если поисковые машины в теории не несут ярко выраженного персонального начала (то есть единообразны для всех пользователей), то френд-ленты в социальных сетях становятся элементами тонкой настройки внешнего информационного фона. Человек оказывается заложником иллюзии, что чтение новостей в каком-нибудь «Твиттере» или «ВКонтакте» освобождает его от воздействия пропаганды, ведь он не смотрит телевизор, а черпает новости из Глобальной сети.

Что характерно, телевизор не может вступить в дискуссию. А вот в соцсетях, напротив, может возникнуть эмоциональное обсуждение (хотя вопрос о степени его эмоциональности остается открытым, так как верификация участников спора чаще всего происходит по степени активности собственно в сетевом сегменте, а значит, не исключен вариант «монолог в диалоге с телевизором»). Таким образом, наличие смартфона оказывается своеобразным пропуском в мир глобальных коммуникаций. Его отсутствие, напротив, выключает человека из коммуникационной среды, вернее, из определенного сегмента этой коммуникации. По всей видимости, остановить этот процесс невозможно. И пространство электронной коммуникации будет лишь увеличиваться – по аналогии с развитием письменности, технологии печатной книги, радио и т. д. Поэтому и «мягкосиловые» инструменты будут совершенствоваться, постепенно уходя от шаблонных решений.

Речь, конечно, не только о США. Очевидно, что **значение обновленной «мягкой/умной силы» в общем балансе власти всех государств должно со временем неминуемо возрастать**. Напомним, что речь председателя КНР Си Цзиньпина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была соткана из различных проявлений инструментов «мягкой силы». Причин здесь несколько. В частности, существуют тенденции к сокращению возможностей применения государствами военной силы для разрешения собственных проблем (из-за взаимного переплетения экономик, больших издержек, связанных с применением современного оружия, а также снижения значения «военной доблести» в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ). К тому же в нынешнюю информационную эпоху фактор

¹⁰ Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий. – М., 2014.

привлекательности той или другой страны имеет гораздо большее значение, чем раньше. Здесь ключевым моментом становится **противостояние идей**, концепций, мировоззрений и пропагандистских механизмов, которыми, будем реалистами, активно пользуются все международные игроки.

С чем же внутри тех или иных обществ резонируют, вступают во взаимодействие эти высокие политические технологии? Прежде всего с **мировоззренческими максимами**. Поэтому в рамках дискуссии о будущем России, как представляется, важной доминантой является размышление о смысловой, идейной составляющей этого будущего. Потому что жизнь или исторический процесс в целом идет по вполне опознаваемому эволюционному пути. Как любят говорить философы, через человека материя осознает саму себя, то есть движение осуществляется от неразумного через менее разумное к более разумному. Или, в терминологии великого Гегеля, от субъективного духа через объективный дух к абсолютному духу. Или, если мы говорим об обществе, от нравственного хаоса к некоему своду общечеловеческих ценностей. Сразу оговоримся, это движение нелинейно и часто общечеловеческая цивилизация блуждает в темных тупиках, а потом возвращается на проторенную дорожку.

Размышляя о таких тупиках и современной западной цивилизации, социологи активно используют понятие **пост**: постмодерн, посткультура, постобщество и даже постчеловек. **ПОСТфактическое**. Подразумевается под этим начавшийся в середине XX века процесс отмирания традиционного и духовного в западной культуре (и самой культуры – в гуманистическом значении слова, в значении «титанов Нового времени»).

Основная черта этого процесса – смена логики мышления и стандартизация всех элементов жизни при общей **фетишизации и одновременной подмене смысла понятия «свобода»**. При этом классические эстетика, нравственность, антропный принцип искусства признаются ушедшими в историю. Проще говоря, если в традиционных обществах основой была иерархия, в обществах модерна – человек-творец, то в постмодерне – ничто, пустота, хаос, броуновское движение.

В некотором смысле такое размывание устоявшихся представлений и подмена общепринятых понятий напоминают противостояние софистов и философов Древней Греции. Отрицание норм морали и нравственности, их условный характер, примат личных интересов над общественными, абсолютизация принципа индивидуальной свободы, релятивизм, противостояние «объективных» законов природы «субъективным» законам конкретного общества – все это, по мнению некоторых исследователей античной философии, способствовало в свое время крушению античной культуры. Хотя, по всей видимости, сами софисты рассматривали свое учение не столь категорично и были уверены в правоте собственных взглядов. От знаменитого высказывания Протагора: «Человек есть мера всех вещей» переход к тезису об «освобождении человека» достаточно очевиден. Понятия добра и зла, правды и лжи, красоты и безобразия становятся объектами культуры и носят искусственный, субъективный характер. Они оказываются подвержены как грубым манипуляциям в духе «окна Овертона», так и более тонким инструментам воздействия, меняющим восприятие привычной социальности.

Глобальные электронные коммуникации в таком контексте оказываются наиболее эффективной технологией по инициированию подобных процессов, переформатируя традиционное сознание, что называется, в повседневном режиме и с учетом личных предпочтений объектов воздействия. Достаточно лишь предоставить свободу выбора из набора уже готовых клише.

В современном обществе мы сегодня наблюдаем схожие тенденции.

В творчестве это выражается в профанации и мутации смыслов, в крайних формах шока и провокации, скажем, с прибавлением отдельных органов к брусчатке Красной площади¹¹.

В политике – в крайних формах либерализма, экзофашизма и двойных/тройных стандартах, разрушении основанной на классических ценностях системы ООН, различных элементах так называемого управляемого хаоса, демократии меньшинств.

В экономике – в новых горизонтах цинизма, отказе от социальных завоеваний трудящихся классов, транснациональном неокOLONIALИЗме (ПОСТимпериализме).

В социальном – а вот тут есть хорошее слово для выражения тенденций – «теплохладность», то есть духовное равнодушие, расслабленность, пассивность, стояние между добром и злом, размытость ориентиров вплоть до антинаучной множественности пола.

В совокупности мы имеем актуальную матрицу евроатлантической идентичности.

Стоит добавить, что процессы кристаллизации европейской идентичности, ее переосмысления в изменившихся условиях общественно-политического и экономического развития отмечались **Освальдом Шпенглером** в фундаментальной работе «Закат Европы». Поглощение деревни городом, доминирование техники и ее абсолютизация, кризис религиозного сознания, стремление к мировому господству – эти черты фиксировались немецким исследователем еще в 1918 году (за 21 год до начала новой мировой войны).

Выскажем дискуссионный тезис, что «ПОСТ» – это итог оценки европейским мышлением событий «двойной мировой войны». Это процесс, начавшийся в 1914 году и характеризовавшийся отрицанием прежнего культурного опыта с его верой в гуманность мышления, особенно на фоне гигантских людских потерь на фронтах, изменением представлений о роли государства в общественном развитии, технического прогресса, менявшего привычную ткань повседневной жизни. Все завершилось крахом старой Европы и ее падением в самоотрицание через «ПОСТ».

При том понимании, что «ПОСТ» – результат органического развития культуры мышления на Западе. Безоценочно. Просто так случилось. Эволюционно. С Западом, где постмодерн становится логичной последней стадией развития общества, последовательно отказавшегося от своих традиционных оснований в течение XVI–XX веков на пути к метафизической свободе индивидуального духа. Парадоксальным образом обретенная таким способом «свобода» оказалась в жестком ошейнике внешнего контроля за частной жизнью граждан – через сбор, в случае появления такой необходимости, всей доступной информации о конкретном индивиду вплоть до признания в нем угрозы, если он не имеет своего аккаунта в социальной сети («значит, есть что скрывать»).

Действительно, если все делятся со всеми своей повседневной жизнью – начиная от фотографии утреннего завтрака и заканчивая... На самом деле тут сложно что-то определить, потому что установленные границы весьма и весьма обширны. То возникает та самая «свобода» во всем и от всего – настоящий «ПОСТ», где критерием приличия выступает собственная мера ответственности.

А вот с Россией, Азией, Латинской Америкой, Африкой этого не произошло. Там история шла иначе. Модерн, а затем глобализованная массовая культура, конечно, и здесь оказали влияние, но не изменили глубоких основ мировоззрения этой огромной части мира. Говоря социологическим языком, большая часть мира живет в парадигме премодерна.

И дело тут не в уровне развития, как хотелось бы считать многим. Скорее речь о разности культурных кодов. Как тут не вспомнить **Сэмюэла Хантингтона** с его «Столкновением цивилизаций»:

¹¹ О данной акции см.: <https://lenta.ru/news/2013/11/10/redsquare/>.

«Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями»¹².

Но схема может быть и проще. На самом деле непримиримые противоречия налицо только между западной и всеми основными цивилизациями. Потому что Запад – в широком смысле этого слова – несмотря на декларируемый отказ от европоцентризма, по-прежнему воспринимает свою модель развития – политического, экономического, социального, культурного – в качества **эталона для всех остальных обществ**. И эталона не просто в смысле объекта для подражания, а в качестве формы для отливки своего подобия в другом культурном окружении.

Что характерно, если раньше шли дискуссии о превосходстве одной культуры над другой, то сейчас порой все сводится к прагматичным рассуждениям о том, что демократические режимы в целом являются более предсказуемыми, чем авторитарные или другие, следовательно, миссия одного гегемона заключается как раз в том, чтобы **помочь демократическим институтам распространиться по всему миру**. Это будет способствовать снижению конфликтного потенциала в целом, а значит, в конечном итоге снизит риски для самого гегемона в части утраты им своей уникальной роли в сложившейся системе международных отношений.

Вообще-то коллективные Юг и Восток давно, если не сказать никогда, не видели ничего интеллектуально хорошего от Запада. Движение всегда шло в обратную сторону. Духовная база капитализма – веберовская протестантская этика – к подавляющему большинству людей на планете отношения не имеет в принципе. Даже попытка прививки западной, в основе своей коммунистической, идеи на традиционную среду, как ни печально, оказалась малоэффективной.

А сегодня мир и, конечно, **Россия стоят перед новым серьезным вызовом**. Культурные различия, разности логик, противостояние постмодерна и традиционного восприятия мира, частной формой которого является исламский фундаментализм, – все это не дает колесам мирового развития крутиться в одном направлении и с близкими скоростями. Что опять же не трагедия, а констатация.

Очевидно, для гармонизации мировых процессов определенно потребуются усилия и лидеры. И видимо, не с Запада. Кто ими будет – Россия, Китай, Япония, Индия, а может быть, «Исламское государство» (организация, запрещенная в Российской Федерации)?

Наша страна прошла самобытным путем развития, в том числе социокультурного. Как всегда, с надеждой на здоровый симбиоз трех моделей – все три парадигмы в России присутствуют. Поэтому агрессивный «ПОСТ» в нашем обществе возможен, но не находит массового отклика. Как романы В. Сорокина. Но при этом и традиционализм с боевым разворотом в прошлое скорее комичен.

Так что Россия по-прежнему раздваивается, и избежать этого позорного глагола нет никаких сил. Вот и выходит, что именно у нас самые лучшие стартовые позиции для синтеза «традиционного» и, простите, «нетрадиционного» в **новую модель интеллектуального будущего**. Так как **отгородиться** от мировых тенденций во взаимозависимом сетевом мире **не получится**. А вот осмысленно создать не ПОСТ-, а СИНТЕЗ-культуру кажется вполне возможным. Подчеркнем, эта СИНТЕЗ-культура, как представляется, в основе своей должна

¹² Хайтингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

иметь традиционные элементы духовности, уравновешенные лучшими практиками западного модерна – наукой, технологией, правом.

На какой же основе должен строиться этот синтез? Для большинства традиционных обществ такой общей универсальной идеей является понятие **ПРАВДЫ** как неразделимое сочетание факта и морального закона. Последовательное исповедание этого принципа, например, в международных делах приведет к нам многих союзников. Позволит нейтрализовать идейную агрессию западного ПОСТ-культурного яда. А следование этому принципу внутри страны позволит **осуществлять гигантские скачки в развитии**. Потому что правда и свобода мышления являются непререкаемым законом любого движения вперед. Свобода, а не хаос. Потому что в хаосе, даже если этот хаос постмодернистский, никаких направлений нет. Однако вся эта логика сработает только в том случае, если России как государство, как общество, как цивилизация будет **независима в принятии решений о собственном будущем**. А для начала уйдет от своего **нынешнего гибридного статуса**, характеризующегося вполне **независимой внешней политикой и компрадорским социально-экономическим базисом**.

Далеко не всем в мире кажется, что эта наша мысль должна реализоваться. Мы можем их понять – в конце концов, они преследуют собственные цели, решают свои задачи. Более того, в истории человеческой цивилизации не было еще времени, когда жесткая конкуренция между обществами за территории, ресурсы, идеи и технологии была бы забыта. Не было и не будет – отдадим себе в этом отчет. Поэтому противостоять нашим усилиям, например, по восстановлению российского влияния в мире западные политтехнологии будут в том числе с использованием постмодернистской концепции **управляемого хаоса**.

О ее «мягкосиловых» механизмах, применяемых в современном мире, их геополитических смыслах, угрозе реализации таких сценариев для России и ее многонационального народа рассказано ниже. И прежде всего мы опишем технологии госпереворота, **«цветные революции»** (или, как сокращенно их называют эксперты, «цветник»).

Технологии «цветных революций» (иначе – «мягкосилового» демонтажа политических режимов суверенных государств) – это сегодня **прикладной политический инструмент** в арсенале средств коллективного Запада, в первую очередь США, обеспечивающий решение текущих задач без комплексного применения вооруженной силы и классических методов открытого военного противостояния.

«Цветные революции» позволяют инициатору (внешней управляющей силе) избежать негативных издержек от горячей фазы боевых действий и без фактического объявления войны, следуя лучшим традициям англосаксонской геополитики – **оставаться над схваткой**, но при этом контролируя и направляя события в нужное русло.

Финальными бенефициарами этих процессов становятся западные корпорации, многие из которых имеют американский «порт приписки», но в реальности представляют **наднациональный капитал**, интересы которого в предельной своей стадии не имеют ничего общего с интересами и потребностями тех или иных государств и народов.

Гипотетически именно влияние этой неоформленной силы на политические элиты США может вести к той политике «пули со смещенным центром», которую мы наблюдаем на мировой арене в последние десятилетия.

Нельзя при этом списывать со счетов и объективный фактор общего падения уровня «советологии/русистики» в американской экспертной среде, а такая тенденция все чаще отмечается самими представителями этой среды. В свою очередь это приводит к возникновению авантюристских или откровенно бредовых концепций выстраивания политики США в отношении России. Даже в новых условиях, когда к власти за океаном приходят прагматики, **«оранжевый сценарий» для нашей страны** с большой долей вероятности вновь может появиться на столе Овального кабинета Белого дома. Не об этом ли думал «Большой Збиг»?

Тогда как, исходя из анализа имеющихся данных, такой сценарий может выглядеть?

Дестабилизация ситуации в стране-мишени осуществляется с опорой на объективно существующие в ней **социально-экономические и политические проблемы**. Главным образом деструктивные политические технологии применяются во время электорального цикла, когда политическая система страны наиболее уязвима. Основная роль при этом отводится подготовке и использованию так называемых подрывных сил. В первую очередь **политической агентуры**, которая должна расшатывать внутриполитическую ситуацию, способствовать консолидации оппозиционных групп для того, чтобы в нужный момент возглавить протестное движение и добиться смены существующего политического режима. После этого внешняя управляющая сила получает в свои руки необходимые властные рычаги, добивается геополитической и геоэкономической переориентации государства-мишени. То есть осуществляет фактическую **виртуальную оккупацию**.

Как любая другая технология, «цветник» не стоит на месте. Постоянно совершенствуется и извлекается опыт из прошлых ошибок и неудач. Так, например, в виду отсутствия у российской «несистемной оппозиции» успехов в организации майдана в столице России нашими оппонентами были предприняты действия по усилению протестной активности в **ряде крупных регионов страны**. Этот процесс необходимо рассматривать как подготовительный этап в рамках запланированной кампании по дальнейшему расшатыванию общественно-политической ситуации перед очередным электоральным циклом и президентскими выборами соответственно.

Кроме того, можно констатировать, что активизация протестного потенциала **в узловых точках страны** будет разными средствами поддержана упомянутыми внешними силами, традиционно координирующими и направляющими острие «цветных революций» по всему миру.

Таким образом, главная опасность, содержащаяся, судя по всему, в планах, уготованных России западными политтехнологами, может быть предварительно определена. Ее суть в том, что организация протеста из центра уступает место стратегии поступательных действий **по расшатыванию политической ситуации в субъектах Федерации**. Как мы увидим, силы и средства туда уже вложены. Это серьезный вызов, и работа с ним может оказаться многократно сложнее контроля за деятельностью «несистемщиков» в пределах Садового кольца.

В конечном итоге проектировщики «оранжевых» процессов в текущих условиях могут попытаться «творчески переработать» опыт протестных выступлений в России в 2011–2012 годах, а также киевского Евромайдана 2014 года. Поскольку отработанные шаблоны не прямых действий по отношению к современной российской действительности оказались во многом несостоятельными. А значит, их тиражирование, с учетом беспрецедентного внешнего давления на нашу страну, может быть признано нецелесообразным.

Понимая, что объять необъятное невероятно сложно, в этой книге мы сфокусировали взгляд на **Уральском регионе**. Такой выбор неслучаен. Многие эксперты полагают, что деструктивные технологии в рамках ведущейся против России гибридной войны «хаоса-порядка» будут направлены в первую очередь на **промышленные региональные центры Урала и Сибири** – Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск. При этом старая мечта западных политтехнологов **«разорвать Россию по Уралу»** также никуда не делась из дискуссионного поля.

Чего же в этой связи ждать? Почему Урал так важен для нас и для них? Как деструктивные силы пытаются дестабилизировать регион? На эти вопросы мы постараемся ответить на конкретных примерах.

26 марта: призрак в консервной банке

History is much more the product of chaos than of conspiracy¹³.
Zbigniew Brzezinski

26 марта 2017 года в целом ряде городов, преимущественно в крупных административных центрах субъектов РФ, состоялись протестные акции, объединенные **оппозиционной тематикой** и ориентированные на персональную критику в адрес председателя Правительства РФ Д. А. Медведева.

Инициатором протеста выступил все тот же «политик», руководитель Фонда борьбы с коррупцией и лидер незарегистрированной «Партии прогресса» А. Навальный. Организаторами на местах стали так называемые руководители региональных предвыборных штабов Навального.

Обращает на себя внимание то, что основная часть «митингов против коррупции», которые были проведены в городах-миллионниках представителями «команды Навального», оказались **несанкционированными**.

В общей сложности география протестной активности охватила 24 городских центра, в том числе Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Владивосток, Краснодар.

Несанкционированный характер протестных действий предопределил конфликтные ситуации между участниками данных акций и представителями правоохранительных органов. Так, например, в Москве, по информации СМИ, было задержано до тысячи участников митинга. В других населенных пунктах счет задержанных исчислялся десятками. При этом в целом действия органов охраны правопорядка были достаточно корректными: спецсредства для принуждения демонстрантов к соблюдению порядка не применялись, уличных столкновений допущено не было. Впрочем, и участники несанкционированных акций не строили баррикад, не разбивали палаток и не бросались камнями. Использовалась **другая тактика**. Весьма красноречиво общую атмосферу несанкционированного митинга в Москве отражает следующая журналистская зарисовка.

«Героями дня стали два подростка, которые еще в самом начале акции залезли на фонарь рядом с памятником Пушкину. Полицейские не обращали на них внимания, пока один из юношей не облил пробежавших мимо стражей порядка водой из бутылки. Омоновцы остановились, отпустили схваченную девушку и окружили фонарь.

– Упс, запалились, – с нервным смехом приветствовал их подросток. – У нас денег нет, но мы тут держимся!

Толпа зашлась в хохоте.

– Слезайте давайте, иначе вы будете задержаны, – потребовал один из омоновцев.

– Ну мы так и так будем задержаны, – вполне логично указал юноша. – Лучше здесь посидим.

Весело улыбаясь, подростки начали делать селфи на фоне стоящих внизу омоновцев.

– Молодые люди, немедленно выполняйте законное требование сотрудников полиции! – не выдержав, закричал один из стражей порядка прямо через закрытое забрало шлема. Подростки пару секунд посоветовались, а затем выдвинули встречное предложение:

¹³ «История гораздо в большей степени продукт хаоса, чем заговора». (Збигнев Бжезинский).

- А давайте мы слезем, но вы нас не задержите?
- Мы не торгуемся, ребята, – веско произнес омоновец. – Мы предупреждаем.
- Мы тут тоже не торгуемся, – крикнул кто-то из толпы, и все начали скандировать: «Не слезай!» Один из полицейских вскарабкался на фонарь и полминуты что-то объяснял парням, потом спрыгнул на землю. Активисты восприняли это как поражение полиции и снова стали кричать «Позор!», после чего шеренга полицейских начала выдавливать их в подземный переход»¹⁴.

В этом диалоге достаточно наглядно отразилась позиция отдельных участников акции – двум подросткам важны были не столько требования «борьбы с коррупцией», сколько «**движ**», работа на широкую публику, эпатаж.

Молодежный характер акции отметило большинство наблюдателей и экспертов, а фотографии старшеклассников и студентов различных учебных заведений стали визитной карточкой мартовских митингов. Отметим, что часть материалов такого рода была заимствована оппозиционерами с просторов Интернета, поэтому на фото появлялись то латиноамериканские полицейские, то странные участники «шествия».

С точки зрения мотивации участия в несанкционированных акциях представителей соответствующих возрастных групп явно преобладали не политические требования, а естественное подростковое желание выделиться среди сверстников, показать свою «бунтарность». Сыграл роль и основной инструмент социальной мобилизации – интернет-ресурсы и социальные сети. Мы уже говорили выше о феномене привнесения в политику **молодежной моды на протестность**. Очень ярко он был использован в ходе событий «арабской весны» и Евромайдана.

И разумеется, флешмоб как модель социального действия 26 марта проявил себя в полной мере – участники разного рода монстраций, проводившихся годами в отдельных областных центрах, явно чувствовали себя в знакомой атмосфере. Чему способствовали многочисленные плакаты с провокационным содержанием, желтые детские «утки» в самых разных формах и видах, кричалки и т. д.

Среди лозунгов часто фигурировали следующие призывы: «Коррупция ворует будущее», «Не забудем, не простим», «Жалкий трусливый вор», «Медведев, отчитайся!», «Это наша страна», «Не врать», «Не кради», «Россия – это мы». В ряде городов протестанты запустили кричалку «Кто не скачет, тот Медвед». Использование «майданной» практики в данном случае несколько не смущало **координаторов протестных акций**, что, конечно, можно и нужно рассматривать как симптом.

Но вообще, конечно, символом несанкционированных митингов стали не лозунги против коррупции, а именно желтые утки.

Эта технология – **визуальный символизм** – практически полностью повторяет белую ленту (и ей подобные символы), которую использовали представители несистемной оппозиции в 2011–2012 годах. Тем не менее зачем через пять лет от прежнего символа «болотных процессов» отказались в пользу именно желтой утки. Почему?

¹⁴ <http://www.kommersant.ru/doc/3253994>.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.